

ринат валиуллин

сукалюбовь

- Зачем я вам, у меня столько недостатков.
- Что-то я не заметил. Каких?
- Я красива. Я умна. Я кусаюсь.

Ринат Рифович Валиуллин
Сукалюбовь
Серия «Проза для гурманов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66978108

Сукалюбовь:

ISBN 978-5-17-145737-2

Аннотация

37 историй из жизни бездомного пса Шарика, который своим позитивным отношением ломает стереотипы и помогает всем вокруг обрести и полюбить себя, избавиться от неуверенности и неумения наслаждаться жизнью, принять и осознать себя как уникальную и целостную личность, достойную счастья. Шарик не любит долго анализировать, он действует, на собственном опыте объясняет, что же такое любовь к себе, и чувствует, как ее найти и что с ней потом делать. Эта книга еще одна возможность взглянуть на себя, на мир и на взаимоотношения между людьми с новых, нестандартных сторон. Она для тех, кто хочет избавиться от страхов, грусти и «коротких поводков», обрести свободу и начать жизнь, полную любви к себе и окружающему миру.

Содержание

Жениться или не жениться	5
Ешь, люби, спи	7
Я хочу тебя	13
Кот, который гулял во сне	19
Другое завтра	22
Утомленные завтраком	29
Читай по глазам	32
Листопад	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ринат Рифович Валиуллин

Сукалюбовъ

© Р. Валиуллин, 2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Мы же словно дворовые собаки, сильнее привязываемся к тем, кто нас недолюбливает. Так и живем, пока в один жуткий день не обнаружим, что привязаны за поводок к столбу.

Окружающий мир не настолько мирный, каким кажется на первый взгляд, зачастую он холоден, зол и опасен, особенно, когда нет дома, где можно укрыться от невзгод. Чтобы сохранить доброту, при всей злости обстоятельств, необходимо быть сильным, а чтобы быть сильным, необходимо любить свободу больше, чем все остальное. Ведь любовь к себе – это и есть умение выбирать свободу! Когда ты себя любишь, ты точно знаешь, чего хочешь, и идешь или бежишь к собственному будущему, как Шарик, без шума сомнения в голове, принимая себя таким, какой есть. Вся гениальная философия Шарика заключается в том, что он любит не мир вокруг себя, а себя в этом мире. Он наполняет собой этот мир, получая удовольствие от жизни и любит себя в любом своем проявлении.

Жениться или не жениться

– Она тебя любит.

– Да, но странно как-то. То ласковая, то раздраженная, рычит и фыркает абсолютно без повода.

– Оставь человека в покое, женись на ней.

– Жениться? Я думал об этом, но свобода дороже, – взглянул Шарик в осеннее небо, потом на Бобика. Что тот мог знать о настоящей любви? Ничего... Значит, и с настоящей свободой он не был знаком, потому что любовь, она нос к носу со свободой. Так и рычат друг на друга, пока кто-нибудь не зарычит, не откусит.

– Не знаю, дом есть дом. Там тепло, там харч, там кровать, там ждут, – посмотрел Бобик сентиментально на Шарика, который казалось не слушал и бежал с гордо поднятой головой, ей не хотелось никаких отношений.

– Ну будь я сейчас женат, разве могли бы мы с тобой вот так сейчас бежать по утру?

– Но я же могу.

– Ты просто кремень. Я даже не знаю, какая дружба смогла бы меня выгнать из теплой семейной постели в такую рань.

– Крепкая.

– Нет, Бобик, ты что-то путаешь, это человек собаке друг, а кобели нет, потому что дружба наша до первой сучки.

Шарик огляделся по сторонам, сучек не было, и можно

было дружить дальше. Обычная утренняя разминка подходила к концу. Сделав круг, собаки оказались у выхода из парка.

– Может, заглянешь к нам? Мина тебя давно не видела.

– Нет, Боб, не могу, дел сегодня по горло, – соврал Шарик, едва вспомнил мину подружки Бобика. Мина замедленного действия.

– Ну смотри, тогда до завтра!

– Или до послезавтра.

Разбежались Бобик и Шарик, каждый по своим делам. Хотя по делам – это громко сказано, дело у Шарика было одно, максимум – два.

Ешь, люби, спи

«Жрать хочется, да и секс был бы не лишним, что же все-таки на первом месте: жратва или размножение? Надо Фрейда перечитать. Блин, где же я вчера кость закопал? Так... В этом бачке нашел, потом подрался из-за нее с Тузиком вот здесь. В этом углу я его мутузил! Так, потом побежал в парк, где-то на клумбе у памятника... – рассуждал про себя Шарик. – Здесь у нас кто? Пушкин, нет, тот был лысый... А, вот он! Узнаю клумбу... О-о-о!» – начал рыть землю Шарик. Когда он уже облизывал кость, к нему подбежала еще одна дворняга:

– Здравствуй, Шарик!

– Привет, Карма, – поцеловались.

«Чем от нее так воняет? Опять она зубы не почистила!» – опустил он голову, чтобы не слышать этого запаха и двинул лапой вперед кость.

– Грызть будешь? У меня тут говядина, прошу к столу! Что ты нос воротишь? Кость-то совсем свежая, я ее вчера нашел.

– Ты такой гостеприимный, Шарик.

«Поздно», – подумал он про себя, понюхав у Кармы под хвостом. «Зря только косточку потратил. Ну, ладно, как-нибудь в другой раз... вот бабы, знают же, что продолжения не будет, но от ужина никогда не откажутся». Женщины всегда

делились для него на три большие группы, первые, доверчивые, которые жили верой в светлое будущее, вторые, что уже потеряли веру и довольствовались надеждой, в третью группу входили те, что любили, любили его. Входили и выходили. Торча в своем одиночестве, он упорно делил их на группы, не отдавая отчета себе в том, что женщины не умеют делиться. Шарик оставил Карму за столом и побежал дальше, на поиски еды.

«Где бы мне пожрать?» – перебегали впереди него дорожку мысли. «Куда ты прешь, урод, на своем Опеле. Что ты орешь? Я даже слова такого не знаю – шелудивый. Нет, не надоело еще. И как бы она мне не надоела, моя жизнь, я сам разберусь с ней, в крайнем случае, терять ее под твоим козырьком точно не хотелось бы. Разуи глаза! Не видишь, зеленый мне горит!» – продолжал рычать про себя Шарик.

«Может, к Мухе? У нее всегда была заначка. Так трудно бегать на голодный желудок, старею, что ли? Да нет, показалось...» – прибавил он ходу.

– Шарик! – бросилась на грудь ему лохматая рыжая сука.

– Муха, привет! (поцеловались) «И от тебя как от Кармы воняет, вчера в одной помойке рылись что ли?» – промолчал Шарик. – Есть че пожрать, а то я на этой неделе не завтракал... Слушай, давай потом эти игры, – отстранился он от мухи привязанности. – Дай сначала червячка заморить...

– Макароны будешь?

– Да, сойдет! А соус есть? – набросился пес на еду. – Кста-

ти, ты не знаешь, что такое шелудивый, – при виде соуса, вспомнил красную морду водителя «Опеля» Шарик.

– Шелудивый? Не, не знаю, мне кажется от слова дивный – блеснула филологическая искра в голове Мухи.

– А вот мне так не показалось, хотя я не против, – метал макароны Шарик.

– Мне все время говорят, что я хорошо сохранилась. – Умилялась его аппетитом Муха. В душе она все же мечтала, чтобы он так же набросился на нее. – Как ты думаешь, льстят?

– А они как выглядят? – не отрывался от миски Шарик, которая в свою очередь делала его голос еще более проникновенным.

– Тебе честно сказать?

– Нет, честно скажи им. Тогда ты точно узнаешь, льстят или нет.

– А ты где сейчас живешь? – продолжала вертеть перед ним хвостом Муха.

– В бочке из-под коньяка.

– Я смотрю выдержанный стал, помудрел, что ли.

– Ага, как Диоген.

– Кто это?

– Древнегреческий философ, который жил в бочке.

– Значит, ты не одинок.

– Нет, не одинок, там столько ароматов, ведь для коньяка были отобраны лучшие сорта винограда.

– У кого?

– Думай, что говоришь.

– Зачем мне думать, когда хочется просто поговорить.

– С тобой невозможно, Муха. Дай, поешь спокойно, – не отрывая морду от тарелки, повернулся к ней задом Шарик.

– Да ешь, кто тебе не дает.

«Кто мне только не дает», – про себя пробурчал Шарик.

Муха же ненадолго оставила его в покое и попыталась занять себя чем-нибудь, напевая бархатным голоском: «Как же мне хочется, как же мне хочется вам насолить. Я не злопаметна, это все одиночество, на которое вы меня обрекли».

– Шарик, я давно хотела тебя спросить.

«Черт! – огрызнулся тот про себя. – Сейчас начнет разводить на чувства. Ну что за дурацкая женская привычка, лезть в душу на голодный желудок».

– Ты никогда не хотел быть человеком?

– Хотел, конечно, хотел... только расхотел, после того как прочел «Собачье сердце».

– О чем книга? – лениво спросила Муха, всем своим видом демонстрируя равнодушие к литературе.

– О полном распаде иллюзий. После этой книги вижу один и тот же сон.

– И что там? – заинтересовалась Муха.

– Кот.

– Кот? – чихнула Муха.

– Ты не простыла? – сверкнули заботой зрачки Шарика.

– Нет, у меня на кошек аллергия.

– А кот не простой, говорящий, – убрал последнюю макароницу Шарик, облизнулся и положил морду рядом с миской.

– И с кем же он говорит? – еще раз чихнула Муха и виновато зажмурилась.

– Со своим хозяином.

– А-а, – понимающе завывла Муха, – это значит, что ты как всякая собака, в поиске хозяина.

– Да, только у этого хозяина моя душа.

– Черт, как все запутано, дай подумать... Значит, в прошлой жизни ты был человеком, а в следующей будешь котом.

– Этого мне только не хватало.

– Да, нежности тебе всегда не хватало.

– Ну, по крайней мере будет повод жить долго, – не слушал ее Шарик. Он закрыл глаза и задремал.

«Какая из жизней сработает на этот раз? – думал про себя Шарик. – Если политика ушла в бизнес, старики требуют реставрации, средний класс обнищал, молодежь подседа на алкоголь, наркота, изолирует их от подлинных переживаний души и тела. Артисты художники писатели – фуфел, культивирующие стеб и цинизм. При низком уровне жизни, низок и уровень духа, хотя цинизм – это не плохо, в нем гораздо больше правдивого, чем в демократии, чем в либералах, ставших консерваторами, удерживая власть. Только хочется спросить у них: а что в консервах? – тушеное мясо рабочей

силы, из него можно приготовить любое блюдо, лишь бы хватило водки, люди будут бухать и пахать, на то они и созданы. Уважение, где оно? Хотя бы к себе самому, люди готовы отдаться за несколько сотен, за несколько макаронин. – Посмотрел на пустую миску Шарик. – Фигурально, а некоторые даже на полном серьезе готовы. Что же сделало нас скотом, таких чувствительных и разумных? Что?»

Я хочу тебя

Никогда не говори ей «Ты мне нужна». Женщине надоело быть нужной, она хочет быть любимой и желанной. Вспомнил он наказ старого придворного пса, едва заметил на горизонте незнакомку. С тех пор он взял за привычку начинать знакомство с фразы: «Я хочу тебя». Надо сказать, что срабатывало не всегда, но определенную уверенность вселяла.

– Я хочу тебя, – начал было он очередное знакомство, но сразу же понял, что не к месту. Молчание было ему ответом.

– Ты чего скулишь? – понюхал Шарик незнакомку. «Из породистых», – сразу определил он, изучая ее ошейник со стразами. «Шерсть лоснится и блестит как шелк, а запах какой? С ума сойти».

– Хозяин ударил. Да нет, не туда, по морде!

– Извини, привычка. За что? – обошел он незнакомку и преданно посмотрел ей в глаза.

– Мужчина подошел, дал конфету, погладил по голове, я взяла. Это его и выбесило, я имею в виду хозяина, – начала плакаться в шерстяную жилетку Шарика она.

– Какому мужчине понравится, если ты берешь у другого. Понятное дело – ревнует.

– А он был такой галантный! Я имею в виду того мужчину.

– Не плачь, тушь течет, – стал языкомлизывать ее горе Шарик.

– Правда?

– Я уже слизнул.

– Спасибо. Вообще-то я спорить не люблю. Но могу уку-
сить, – проступила улыбка на прелестной мордочке.

– Хочешь, я ему отомщу, цапну его за одно место.

– Вы такой смелый. Как вас зовут?

– Шарик. Можно сразу на «ты».

– А меня Герда Шейх Брут.

– Надо бы записать, сразу не запомнить.

– Можно просто Герда. Я хочу убежать из дома, куда глаза
глядят, – задрала она свой носик вверх.

– Тогда бежим!

– Так просто?

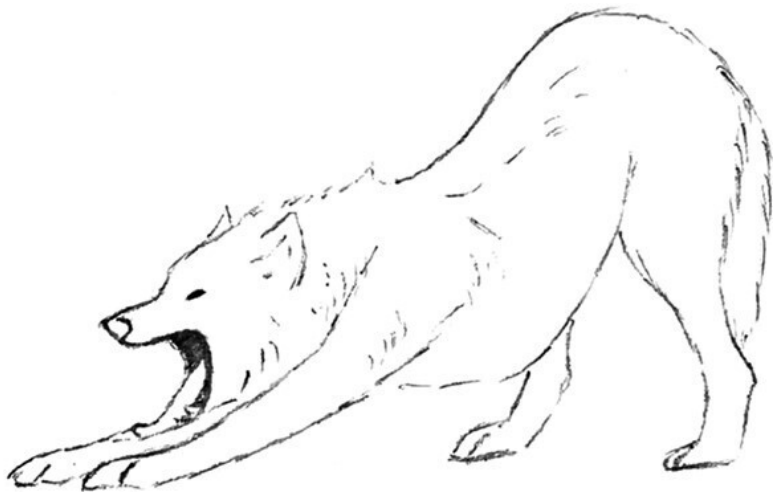
– Да. Просто беги рядом.

– Как прекрасно почувствовать себя свободной: куда хо-
чешь, туда бежишь, и с кем хочешь. Ты так быстро бежишь,
Шарик! Ты, наверное, такой сильный!

– Так меня ноги кормят, – не смотрел под них Шарик, и
только ветер поглаживал его внезапные уши, которые лови-
ли каждый вздох и каждый выдох Герды, с приторной остро-
рожностью, чтобы не загнать ее этим счастливым галопом.

– Это твоя работа?

– Это мое хобби: бежать, когда рядом вдоль дороги не
останавливаясь чешет природа. Она – часть моей скуки, хо-
тя и прекрасна.

– А я?

– А ты другая, ты лучше. Будь у тебя зеркальце заднего вида, ты бы знала насколько прекрасны твои ландшафты.

– Мои уже устали, и кормит меня хозяин. Шарик, разве у тебя нет машины? Хозяин всегда на машине меня возил.

– Откуда? У меня и дома-то нет.

– Ты наверное бездомный?

– Наверное, – сбавил он темп, заметив, что незнакомка начала отставать.

– Я слышала про таких.

– Про меня всякое говорят.

– Тогда куда мы бежим? Я-то думала, что к тебе.

– Нет, я же говорил, бежим просто так, я всегда бегаю, когда делать нечего.

– Ты, наверное, легкоатлет?

– Да нет, у меня даже формы нет. Есть уже охота... Может поедим, я знаю здесь одну замечательную помойку?

– После шести я не ем.

– Фигура? – бросил на нее многозначительный взгляд Шарик. – Понимаю. Хочешь помочиться?

– Нет.

– Я тоже не хочу, но надо, подожди немного, я быстро.

– Ты такой бескомпромиссный, Шарик.

– Я такой, – отклонился он от курса.

– Черт, я совсем забыла, что ко мне парикмахер должен прийти в восемь.

– А как же свобода? – догнал ее Шарик, окропив столб.

– Может, в следующий раз? Свобода от нас никуда не денется.

– Хорошо, тогда я тебя провожу.

– Ты такой любезный.

– Вы прекрасны, – долго думал Шарик с чего начать и перешел обратно на «вы», чтобы казаться как можно дипломатичнее. – Могли бы мы... как вам сказать поизящнее? Трали-вали.

– Вы имеете в виду шпили-вили? – перевела его мысли Герда.

– Да! – обрадовался он. Он еще никогда не встречал таких

умных баб. – Как вы точно подметили.

– Проходила уже, – вздохнула она.

– И что? – включил все свое обаяние Шарик, наклонив голову вбок на 30 градусов. Он всегда так делал, когда не хватало слов.

– Ни шатко, ни валко! Сами знаете, потом будут чувства, а вам трын-трава. Не хочу...

– Как же быть?

– Будьте смелее, предложите мне жили-были.

«Что я ей, породистой сучке, могу предложить?» – вернул голову на место Шарик. После свадьбы, медовый месяц в палатке, в страницах березовой пущи, в жидком кристалле лесного озера. Где он наловил свежей рыбы, а она сварила, вечером у костра поели ухи, если у нее нет аллергии на рыбу. Они смотрели на звезды, их покусывали комары, они обходились без слов, без нежных шаблонов, целовались, губами пропахла рыба и листвой перешептывалась природа: «вот это любовь у людей – клевая»

– Завтра погуляем? – не нашел он более дельного предложения.

– Скорее всего. Где я тебя найду? – лизнула его на прощание Герда и понеслась к подъезду.

– Во дворе. Кто не знает Шарика! – крикнул ей Шарик вдогонку.

И побрел передохнуть к ближайшей скамейке где трескали семечками старухи:

– Жизнь прошла без оргазма, – одна бабка другой, громко перегрызая горло семечке. – Не могу понять, почему так случилось? Комсомол, муж, работа, дети, завод, жизнь прошла на одной заводке, другие мужчины... – сбросила она шелуху с подола, – ...не интересовали. Как-то было не до него, не до оргазма, будто я пыталась найти его в чем-то другом.

Ее соседка по скамейке, затягивая потуже платок, প্রশমкала металлокерамикой:

– Природа совсем не глупа, и нельзя заменить то что выстрадано тысячелетиями, миллионными постелями лет наслаждения. Словно розы – они с шипами.

– Опять стихами заговорила. Кто с шипами? Постели?

– Ты чем меня слушаешь? Наслаждения. В твоём случае виноват политический строй, элементарно тебе было некогда, некоторые должны подготовить почву, чтобы избранные оргазмировали, – посмотрела она почему-то прямо на Шарика. Шарик смутился и закрыл глаза, притворившись спящим.

Кот, который гулял во сне

– Привет, как ты?

– Скучаю.

– Я так и подумала, раз не звонишь, значит, скучаешь.

– Как там кот?

– Кот?

– Да.

– Кот как кот, спит. Так ты по коту соскучился?

– Совесть не дает мне покоя. Дай ему трубку.

– Сейчас, если разбужу, – нехотя ответила жена.

Наконец я услышал в трубке недовольное «Алле?»

– Блин, чувак, извини, что я тебя утром ногой, – вспомнил как сегодня опаздывая на работу, в одних трусах, посреди коридора, гладил брюки. А под ногами, играя на нервах, путался Том. Я долго его терпел, пока не поддел под живот правой, отфутболил роскошным пасом прямо жене в ноги. Та вскрикнула и набросилась на меня, типа я тут второстепенный, вот животное – это другое дело – беззащитное. И пошло-поехало. Из искры возгорается женщина: манипулируя утюгом раскаленным, я прорычал:

– Тварь шерстяная...

– Ты мне? – Перебила меня жена.

– Дай мне сказать... – Неужели она способна испортить то, что нажито было между нами годами.

Жена промолчала, взяла Тома под мышку и их смыло в соседнюю комнату, а меня на работу.

– А я все думал, позвонишь – не позвонишь, нужно ли принимать меры. Портить тебе обувь или не стоит.

«Я тебе испорчу!» – подумал я про себя и с чувством исполненного долга, взял со стола свежий журнал.

– Не скучай, скоро приду. Принесу что-нибудь вкусное.

– Все равно, это не любовь. Нет ее.

– Как нет? Смотри сколько ее кругом валяется, – листал я журнал. – Окон губы жуют огоньки, обнаженные ноги витрины, глаза, волосы, рты, смешанные в порыве, люди не больше не меньше проститутки любви и пьяницы.

– Люди это конченные психотики, они хотят, они требуют, чтобы их любили: рвали для них букетами звезды, глотали золотые шпаги соборов, застилали постелей пляжи с одеялами моря, признаниями набивали тумбочки, – обошел меня в красноречии Том и добавил: – Только не надо путать людей и кошек.

– А у кошек разве не так?

– Да, по-другому. Бескорыстно!

– Ладно, успокойся, Том, если тебе моей любви мало, город ждет тебя, здесь есть кого полюбить, есть кого сделать поклонницей. Главное чувствовать себя явлением, даже среди запаха плесени, октября холода дрожи холерики надо только набраться смелости.

– Так это на улице! Ты же меня туда не пускаешь.

– Тебе нельзя на улицу – пропадешь. В смысле засосет красивая жизнь. Потом будешь приходить пьяный от счастья, только по утрам, только пожрать, не один.

Другое завтра

– Какие планы на завтра?

– Завтра я работаю.

– Позволь мне подарить тебе другое завтра.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Спасибо Муха, накормила от пуза. Может, пойдем на асфальте полежим, вроде прогрелся уже, помечтаем.

– А тебе разве на работу не надо?

– Нет, я уволился. Надоела мне эта жизнь бродячая, да и дрессировщик тоже. Шарика за сахар не купишь, пусть поищет себе другого дурака! В общем, откусил я ему эту руку, которая меня кормила, так и бежал потом без оглядки: в зубах рука, в руке сахар.

– Отчаянный ты, Шарик, хотя правильно, пусть люди работают, им за это платят.

– Вот ты мне объясни, Муха, – завелся Шарик. – Неужели так трудно научиться доставать из кармана сахар.

– Конечно, Шарик. Это же его сахар.

– Знаешь, в чем его ошибка, да и других тоже? Им кажется, что это они нас дрессируют. На самом-то деле, это мне приходится выполнять кульбиты, чтобы он просто протянул руку с куском рафинада.

Муха зашуршала в углу конуры и достала из тайника кусок сахара: – На, Шарик, успокойся.

– Спасибо, добрая душа.

– Скажи еще, что я лучше поддаюсь дрессировке, чем люди, – рассмеялась веселым лаем Муха. – Пойдем лучше в парк. День обещает быть жарким, а там тенек.

– С тобой хоть на край света, – проглотил рафинад Шарик. – Но по-моему, там ремонт, – почесал он задней правой свои худые ребра.

– Тем лучше, народу меньше.

– Тогда догоняй, – рванул он из конуры на волю.

– С тобой бежать одно удовольствие, – трусила рядом с Шариком Муха по направлению к парку.

– А лежать – другое?

– Ой, и не говори.

– Сколько же здесь столбов, этак у меня на всех не хватит.

– Ладно, тебе ли жаловаться. Куда думаешь теперь податься?

– Собираюсь на границу пойти служить, если пройду медкомиссию.

– Может лучше сразу за?

– А там видно будет. Ты, кстати, слышал, тут конкурс объявили в отряды космонавтов.

– Нет еще, а где это?

– Здесь рядом, в клубе «Собака вдруг человека» кастинг проводят.

– Ты уже сбегала?

– Завтра собираюсь. Хочешь, побежим вместе?

– Не знаю, в космос меня что-то не тянет, темно там и скучно. Кроме звезд ни одной живой души. А мне же общение нужно, – прошмыгнул сквозь прутья железной ограды Шарик и затем галантно помог это сделать Мухе.

На парке не было лица... Он действительно был в ремонте. Его прическа взъерошена рытвинами и канавами лишний раз напоминала о беспорядке внутри. Людей почти не было, только воронье кружилось вверху, покашливая. Оно уже вывело птенцов и теперь учило их летать. Шарик с Мухой припарковались рядом, молодые, счастливые: его мужество отливало сиренью, ее женственность отсвечивала одуванчиками.

– Шарик, у меня к тебе только один вопрос, что в отношениях на твой взгляд является главным?

– Нежность, – перевернулся на спину Шарик и закрыл глаза солнцу.

– Да, – согласилась Муха, погладив себя лапой по пузу. – Это, пожалуй, самое важное, больше всего не люблю, когда грубо и сразу в душу. – Черт! Вот, что я говорила, – начала стряхивать с себя что-то Муха. – Отложила мне прямо на голову, как будто хотела засрать мой мозг.

«Если бы не его отсутствие» – подумал про себя Шарик и добавил вслух: – Хорошо, что ты оставила его дома.

– Смешно тебе, – терлась об траву пузом Муха.

– Вообще, это считается хорошей приметой.

– Да, но вряд ли ты бы хотел оказаться на моем месте, –

все еще избавлялась от следов чужих экскрементов Муха. – Отомстил бы за даму, – досталось и Шарик у за равнодушие.

Шарик лениво встал на лапы и так же лениво кинулся лаять на ворону, которая спустилась с небес и посмеиваясь вышагивала рядом. Как только Шарик пересек воображаемую границу безопасности, она вспорхнула и крикнула ему что-то сверху.

Вскоре парочка забыла об инциденте, продолжая валяться в тени жарких лучей солнца. Не обращая внимания, что кусок природы был на ремонте. Деревья выражали чувства, шелестя листвою. Недалеко от них за решеткой сидел Чернышевский, грустный, с вечным вопросом: «Что делать?». Он еще не знал, что ему дали пожизненное. Но несмотря на это ему крупно повезло, некоторые отбывают срок стоя. Редкие прохожие не обращали на это внимания, как и на Муху с Шариком. Кто-то шел по своим делам, иные убивали безделье. Шарик наблюдал за молодым человеком, который чудом здесь встретил старого приятеля, изо рта у обоих воняло лезвием: они обменялись ею по поводу внешнего вида.

– Какие любезные, – восхищалась Муха.

– Плевал я на любезность. Даже парк пытался меняться, а люди нет, и в жару ходят в масках, – прокомментировал Шарик.

– Успокойся, – жмурилась от удовольствия Муха. – Внешний мир, настолько разнообразен насколько ограничен внутренний.

– Ты за этим в космос собираешься?

– Да, я все время мысленно общаюсь со звездами по ночам. Посылаю им сигналы, только отсюда их не достать.

– Зачем тебе звезды? Они же тупые, у них кроме яркости ничего не осталось.

– А я бы хотела к ним поближе. Только конкурс, говорят, сложный. По подиуму надо пройти. Сколько не пробовала, все на бег перехожу.

– У тебя фигура хорошая, должны взять. Твой-то как, отпустит тебя в космос?

– Ты про Бобика? Прогнала я его, свободная теперь сука. Как он меня достал! Ни денег, ни внимания, собачились постоянно.

– Вот как? А кем он работал?

– В метро стоял с одним хмырем. Точка у них там, частное предприятие «Пятая нога». Может видел, они с табличками и с ведрами в зубах на жалость давят.

– Вроде денежное место, метро. Но там тоже конкуренция, каждый со своим отверстием для денег.

– Да, если бы не поезд... Он как поезд увидит, так и срыгается. Издержки воспитания, у него же родители всю жизнь на цепи просидели. Уволили как профнепригодного.

– Тяжело расходились?

– Я до сих пор не знаю, что со мной происходит в этой жизни, я не нахожу себе места.

– Да, место – это важно. Говорила тебе – ищи мужика с

квартирой. Так ты теперь одна живешь?

– С сыном.

– Не скучно?

– Некогда, щенок весь в папашу, тоже все на приключения тянет. Связался с каким-то ультраправым движением, вот и митингуют у НИИ им. Павлова за свободу условных рефлексов. Боюсь я, как бы его туда не забрали. Может, ты с ним поговоришь, Шарик?

– Посмотрим. Посмотрим что-нибудь вечером?

– Вечером у меня курсы. Я же на английский записалась.

– Зачем тебе английский?

– С инопланетянами общаться.

– Думаешь, они знают этот масонский язык? Лучше научись показывать зубы, сейчас это важнее. Фрейда читала?

– Нет, а кто это?

– Был такой ученый, типа Павлова. Только Палов был практиком и все больше с собачками, а вот Фрейд – теоретик, и с людьми. Так вот он до того сублимировал человеческое бытие, что свел его к трем желаниям: секс, еда и сон.

– Умный ты, Шарик, трудно с тобой.

– С умными – трудно, с глупыми – скучно. С кем же ты хочешь быть, женщина?

– С Фрейдом, наверное, хотела бы. Вон как он все упростил: еда, секс, сон – вот оно, счастье, зачем его усложнять.

– Секса у нас уже не будет, потому что мы теперь друзья, еды нет. Поспим? – логически заключил Шарик.

Утомленные завтраком

– Нельзя же сразу рвать отношения. Давай сядем и во всем разберемся.

– Нет, хватит уже разборок. Хочу собраться, чтобы почувствовать себя частью вселенной, а не запчастью твоей жизни.

Солнцем выбило окна, орали как сумасшедшие птицы. Я на кухне в руках у меня бутерброд: жую то что еще беспокоит, проглатываю то что уже случилось. Входит кот, неразговорчивый, мартовский. Ему не до смеха: кошек нет, мыши оптические, только еда мышино цвета, а хотелось, возможно, в горошек или хотя бы в клетку. Мы молча завтракаем, аромат одиночества.

– Чего ты такой недовольный? Может, соли в еде не хватает? – разорвал я молчание.

– Не соли. Жертвы, вот чего не хватает в жизни, если ты хищник. А я в душе своей хищник, – начал вылизывать кот шерсть на груди.

– А я по-твоему жертва?

– Да, тебе не хватает хищницы.

– Так всегда, разведешься, а потом скучаешь, места себе не находишь. Ты-то откуда узнал, что я скучаю? – посмотрел я испытующе на кота.

– Ты с утра наступил мне на хвост.

– Что же ты молчал?

– Из чувства такта.

– Извини, вышло случайно. Но в целом ты прав.

– А в частном?

– Частная жизнь моя не настолько разнообразна, – доел я свой бутерброд и посмотрел на кота.

Он кинул мне в ответ два своих изумруда

– Хочешь поговорить? Валяй! – ловким прыжком кот забрался мне на колени.

– Том, ты когда-нибудь убивал?

– Только мышей, и то заводных, – стащил он со стола кусок сыра.

– А ты?

– Я все время пытаюсь убить время, – посмотрел я на кухонные часы, которые тихо показывали, что идут, но до сих пор еще не ушли.

– За что?

– За то, что уходит.

– Значит ты ему просто не нравишься. Ты действительно хочешь его прикончить?

– Иногда очень сильно.

– Подумай, потом надо будет оправдываться, объяснять куда ты дел его труп, заметать следы. Тебе это надо?

– Откуда я знаю. Ладно зайду с другой стороны: ты боишься смерти? Говорят, что если человек не выполнил миссию, то зачем он родился, то ему умирать очень страшно.

– Как утро, однако, не задалось, – взял еще сыра кот. –

Таким вопросом можно и убить ненароком. Не, я ее не боюсь, если с хозяином жизни нет никакой, то и смерти должно быть нет.

– Тебе здесь плохо живется?

– Я требую трехразовое питание, женщин, два раза в год море... Шутка. В раю возможно живется комфортней, но не хотел бы, не думаю, что там есть интересные люди.

– Интересные все в аду.

– Или все еще живы, – лизнул он мою руку.

Читай по глазам

Если женщина счастлива, это читается по глазам, если нет – под глазами.

– Я тебя хочу, – подбежал я к Мухе по привычке сзади, чтобы не анализировать, что там под глазами.

– Здравствуй, Шарик. Да хватит тебе уже принохиваться, опять небритый, соскучился, что ли? – скромно пыталась развернуться Муха.

– Да, всю ночь о тебе думал, смотрел на звезды и представлял, как ты там будешь в космосе в темноте без пищи, – глядел я в ее большие томные глаза.

– Я же всего на три витка, если еще полечу, – закатила она глаза.

– Как кастинг-то прошел, кстати?

– Да вроде ничего прошел, правда пришлось переспать с главным. Космос требует жертв.

– Ни стыда, ни совести, – улыбнулся я белыми зубами.

– А зачем брать лишнее на орбиту. Бессовестно, но быстро: пять минут без совести за три часа в космосе, – закатила Муха глаза еще дальше.

– Не дорого, – почесал я ногой за ухом. – Теперь тебе все время с ним спать придется? – стал я рисовать на земле замысловатые цветочки.

– Не знаю, сказали, что подготовка к полету займет три

месяца – испытательный срок. Но самое главное, что у меня теперь будет новое имя, свой позывной – Белка!

– Почему Белка? – затер я свои творения.

– Потому что на букву Б... – побледнела Муха.

– Ты что одна полетишь? – залег я на теплую землю.

– Нет, с одной сучкой, со Стрелкой.

– Потому что на букву С? – положил я морду на вытянутые вперед лапы, и она растеклась по ним.

– Терниста дорога к звездам, – легла Муха рядом впившись своим провинившимся взглядом в мои глазные яблоки.

– Оно того стоит? – закрыл я глаза, будто был сторожем этого яблочного сада.

– Не знаю. Сына надо поднять на лапы. Он же у меня единственный и такой непутевый, – поймала языком Муха падающую по морде слезу.

– Дети, как им хорошо без нас, как нам плохо без них, – вспомнил я свое щенячье детство и родительскую конуру.

– Ты-то своего видишь часто? – лизнула меня она.

– Раз в неделю, – услышал я запах домашнего супа в ее языке.

– Алименты платишь? – не переставала она лизать мою гордость.

– Ежемесячно, 33 % костей, – начал я возбуждаться от такого обилия женской неги

– Ты все в кости играешь, а ребенку мясо нужно, – резко прекратила она ласкать мою морду.

– Да где же я его возьму, мясо-то. Работу ищу, перебиваюсь пока старыми заначками.

– А как же заграница? – поднялась с земли и отряхнулась Муха.

– Ну ты же понимаешь, что все это одна болтовня, для красного словца, кому я там нужен, за границей, там своих псов хватает, – со злостью на себя закусил я блоху, которая ползла по моей лапе. А может и не было никакой блохи, просто злость.

– Чем сегодня займемся? – попыталась она отвлечь от тяжелых дум Шарика

– Может, кино посмотрим?

– Может, лучше друг на друга?

– А других нет вариантов?

– Никто меня не любит, никому я не нужна, – заскулила Муха.

– Так радуйся: никто не обидит, не бросит ради другой, не изменит, не выгонит, не поцелует жадно в самое сердце, чтобы затем плюнуть в душу. Ты в безопасности, – прикусил Шарик любя ее холку.

– К черту опасность! Знал бы ты как ее порой не хватает, – виляя хвостом, оценила она его маневр.

Шарик хорошо знал, что после этих слов погода в душе женщины начинает резко портиться, как бы ярко ни светило солнце. Он хотел бы утешить Муху, но знал, чем это может обернуться. То, что было, обязательно повторяется, сто-

ит только попробовать заново начать строить город из отношений, стоит только один раз остаться, а утром почистить зубы одеться, позавтракать и выйти на улицу, можно даже не завтракать, можно даже не одеваться. И пошло, поехало, минимум через неделю, если считать, что эта неделю будет медовой, опять выедание нервов. А может быть, хватит и ночи, как только холодильник пустой утром пожмет тебе руку или лапа забудет выключить свет в туалете или другой найдется какой-то предлог, который ты попытаешься писать слитно, с тем что может существовать только раздельно.

– Неужели ты все еще меня не простила? – угадала движение его мыслей Муха.

– Простить можно что угодно, только это будет уже не любовь и даже не дружба.

– А что это будет?

– Керлинг, где один станет с криками сталкивать камень с души, а другой попытается оттереть на ней пятно.

– Сколько я не смотрела, этот вид спорта не понимаю.

– А что там непонятного? Все как в жизни, сплошные терки.

– Я чувствую себя бесполезной вещицей, даже ты меня больше не замечаешь.

Шарик почувствовал, что нечто внутри Мухи искалечено и не подлежит ремонту, хотя многие до сих пор так или иначе пытаются восстановить ее нежность, лезут в монетоприемник, в эту складку любви, пещерку истомы, в этот спаль-

ный мешок, в карман, в ларец с драгоценностями, в вечную скважину нефти, в ее метро, в ее бесконечный космос... за любовью со своим проездным билетом. Он даже услышал, как она всем им кричит: «Уберите единый! В космосе он не действителен».

«Муха капризна сегодня, но космос капризней», – поглядывал на небо Шарик. И действительно, над парком уже висела туча с гигантский надувной матрац лилового цвета.

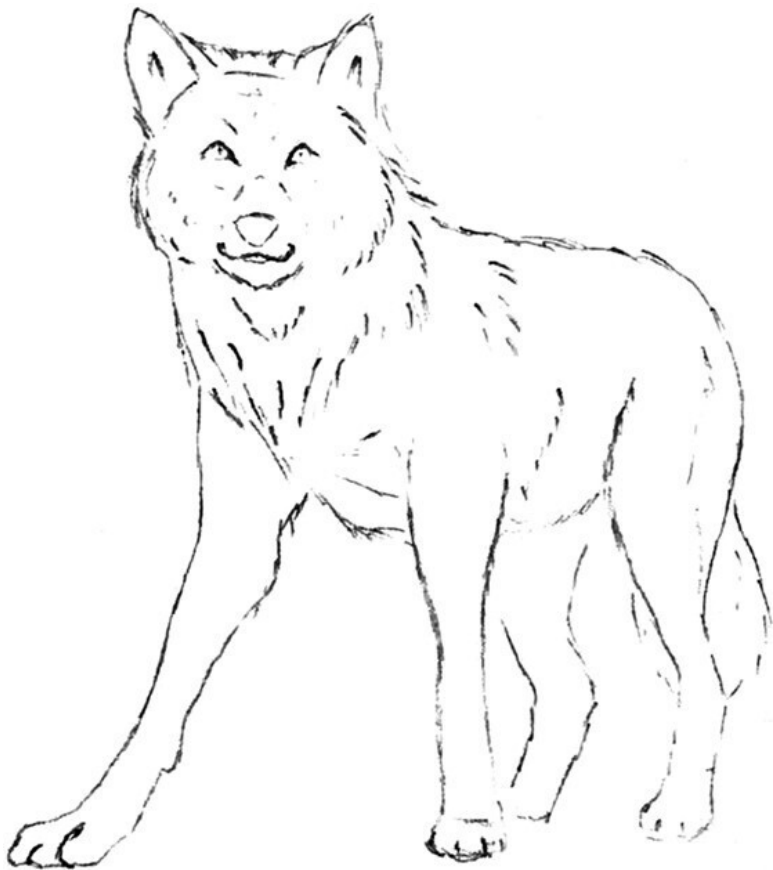
– Мне кажется сейчас ливанет. Может к дому двинем?

– Да! Проводишь?

– Хорошо, бежим! – рванул с места Шарик мотая про себя: «Как я могу отказать, если женщина просит». А Муха полетела за ним следом с той же самой мыслью: «...если мужчина просит».

Листопад

Лучшее средство ухода за собой, это уход от тех, кто тебя не любит. Шарик все время уходил, скорее сказать, убегал. Единственное, от кого сложно было уйти, это от погоды. Она уже не любила, она капризничала. Одним словом, осень. Она накрывала. Несмотря ни на что, Шарик бодрился. Он всегда держал нос по ветру и знал: единственная падаля что прекрасна, падаля листьев. Однако осень, не смотря на всю ее пестроту, Шарик не любил. Словно демисезонное пальто, оно висело на вешалке над городом. Наденешь его на себя, и тебе ни жарко, ни холодно, никак. Деревья сбрасывают лето, повсюду купюры, скомканные сохнут и желтеют, инфляция не только в листопаде, она проникала глубже, в настроение. Сезон ливней, мокрых лап и текущего носа. Дождь, и этим все сказано, подмочена репутация города, все строят крыши над головой, оптимизм близок к нулю. Хотя одна из людских мечт сама собою сбылась: какое-то время все могут жить в отдельных домах зонтов. Так и ходят каждый в своем домике. Ходят и медитируют: «Скорее бы Новый год». Он тоже старался мыслить позитивно, разрезая своим бегом толпу, блуждая по городу, переживая осень, пес внушал себе что это не осень, а весна. Иногда срабатывало.

Шарик бежал по утреннему тротуару центрального проспекта, сверху серыми слезами камня свешивалась лепнина, дождь скучным многоточием выбивал в ворде: ты одинокий

никому не нужный женщина или мужчина, кобель или сука, сдохнешь если выйдешь за пределы города. Ему не надо было за пределы, он вообще не знал куда ему надо было. Обычная утренняя пробежка для поддержания формы. Текст ливня без конца бубнил о том, как погибает искусство, так как город вымок, климат мерзок, да настолько, что Шарику вдруг захотелось уехать прямо в этот самый момент. Уезжать было не на чем, поэтому он убегал. Он знал, что бежит в постоянство в беспредметность, то и дело возвращаясь к грустному. Перед его глазами стояла написанная от его имени дождем открытка «Лето умерло, прошу климатического убежища» с видом на Летний парк. Эту великолепную открытку ему хотелось бы отправить в Австралию, в страну вечного лета. У него была одна несбыточная мечта детства: примкнуть к стае диких собак Динго, хотя он плохо представлял, как они выглядят и сможет ли он с ними жить. Но это было не так важно, по сравнению с тем, что была мечта. Иногда ему очень сильно хотелось верить, что его предки выходцы именно из этой породы диких собак, мысли и дела которых окрашены в индиго, и что именно в этом слове корень самой породы Динго. Однако открытка до сих пор не отправлена. Где же она? В его фантазии, в данный момент мокнет и разбухает, от этого не лезет в ящик. Шарику очень не хотелось хоронить это лето, которое опухло от воспоминаний и уже смердит в мозгу бездельем безработицей свободой и клянчит: возвращайся на родину предков, в Австра-

лию, что ты потерял там: осень так похожа на тоску.

Он по обыкновению завтракал возле рынка, у молочных рядов, там всегда было чем поживиться. Вискребывая из стаканчика остатки ряженки, затыкая себе пасть белым хлебом, Шарик пытался думать о чем-то важном, чтобы не крикнуть: «мне бы маленький пароходик, маленькую страну из двух жителей, где соленые волны целый день жуют суши. Где часы заменяет любимая, круглый год без углов отврагительных, где она не пытается сделать из тебя человека. Просто любит таким какой есть, похотливым, небритым, вонючим». Вряд ли можно придумать что-нибудь утопичней и лучше, тем более что ряженка улеглась в утробе, – побежал Шарик к Мухе, чувствуя острую нехватку женского тепла.

– Муха, привет! У меня острая женская недостаточность – ввалился в жилище Мухи Шарик.

– Это не опасно? – всполошилась заспанная хозяйка.

– Для тебя нет.

– А ты чего сегодня в такую рань?

– Сегодня же выходной. Я рано встаю в выходные, чтобы они были длиннее. Я тебя разбудил?

– Ну почти. Станный ты какой-то сегодня, Шарик.

– Я же говорю у меня приступ женской недостаточности.

Вышел я утром из конуры, встретил соседа, с которым мы в клетке на одном этаже, но все еще оставались людьми, и спросил, какое сегодня число?

– Сегодня кажется осень, но я не уверен.

– Осень? уже?

– Тут я опомнился: осень, а я еще не израсходовал порох с весны. Слышишь, Муха, как одиноко бродит во мне герой лирический.

– Не герой, а гормон, – возразила Муха.

– Пусть так, он не может найти утешения, представляешь пустую берлогу, мою пустую постель над нею картина со странным названием: «ни весны ни будущего ни искусства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.